

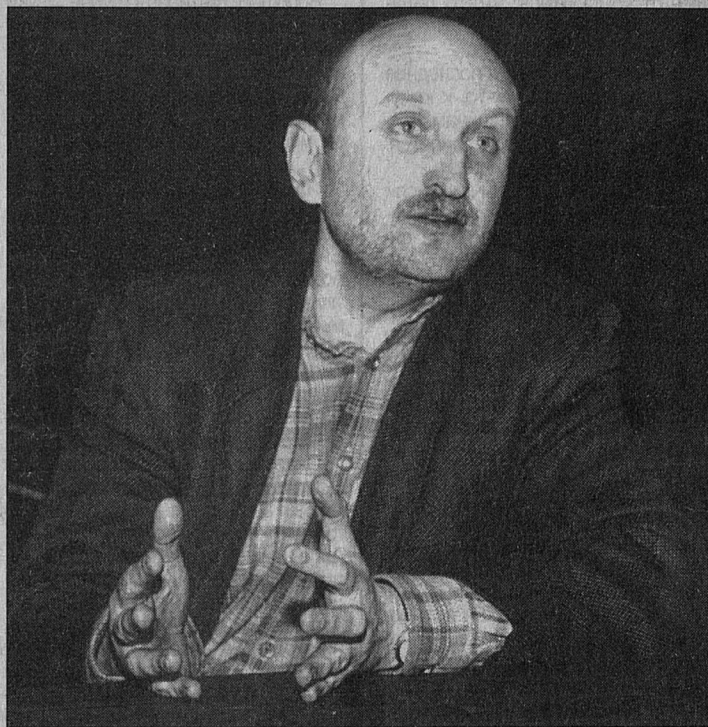
Держать целое, сохраняя отдельную личность

Известный режиссер Сергей ЖЕНОВАЧ не сегодня ступил на педагогический путь. Около 20 лет назад его спектакли с учениками П.Фоменко стали событиями, а артисты первого призыва будущей мастерской впервые заявили о себе театральной Москве. Сам Женовач в своей режиссерской практике тоже тяготеет к некоему процессу воспитания, к собиранию ансамбля единомышленников, вместе постигающих автора. Совсем недавно он стал заведующим кафедрой режиссуры в РАТИ и в этом году выпускает актерско-режиссерский курс, чьи дипломные спектакли уже имеют большой успех у специалистов и зрителей.

— Я убежден, что воспитывать режиссеров должны люди, которые сегодня определяют театральную жизнь, ставящие режиссеры. Необязательно успешные, ведь все относительно, но люди, которые чувствуют живой театр. Сейчас на кафедре собраны замечательные мастера, и у нас на третьем этаже творческая атмосфера. Ребята хотят работать — это самое главное. Но замыкаться тоже не очень правильно. Нужно приглашать людей, двигаться навстречу сегодняшнему театру. Перемены важны, хотя к ним нужно относиться очень осторожно. У Фолкнера есть такой образ в «Шуме и ярости»: «Ты мчишься на полной скорости на автомобиле, он мчит тебя куда-то вперед, а голова у тебя повернута назад». Ты смотришь, с чем ты прощаешься, но летишь вперед. Ломать, менять и реформировать — это болезненно, но не так сложно, а вот сохранить, развить и приумножить... Сейчас модно ругать наше время, но ведь другого времени у нас не будет, и надо искать то хорошее, что есть. Сегодня, на мой взгляд, происходит «переваривание» всех тех идей, которые дал режиссерский театр. Но верю, что ребята следующих наборов принесут новое мировосприятие. В конце концов, актерской и режиссерской профессии можно научиться, только держа репертуар и встречаясь со зрителями: ведь именно они проверяют, нужно ли то, что ты делаешь, или ты просто занимаешься своим внутренним миром. Театр — это искусство понимать другого человека — актера, драматурга, режиссера, режизитора... И в итоге — каждого зрителя.

— А можно ли вообще научить режиссуру?

— Мне кажется, всему, что связано с душевной деятельностью человека, научить нельзя. Нужно учиться самому. Педагоги могут создать только атмосферу и настроение, которые помогают учиться. Можно читать блистательные лекции, но вся штука в том, что студент воспринимает правильно и верно только то, что он в данный момент может воспринять, то, в чем в данный момент он нуждается. Нельзя просто обвалить на него весь объем информации, важно сказать ему то, что он способен сейчас услышать. Научиться можно только на собственных ошибках, тогда, когда не получается, тогда, когда очень больно, когда не принимают педагоги и ты беззащитен перед артистами. И артисты от тебя прячут глаза, а ты знаешь, что ты хочешь, но пока не знаешь, как. Ведь режиссер — это человек, который не может не выразить то, что он чувствует. Режиссура — это создание неких иных реальностей в сценическом пространстве. Не между тем, что хочется, и тем, что ты можешь, — большая дистанция. Эту дистанцию может преодолеть только сам человек. И учеба — это тот период, когда тебе разрешается ошибаться, все самому пробовать и к чему-то приходиться. Конечно, нужно прислушиваться к тем, кто рядом с тобой. Иногда спорить с ними. Это такая профессия. В тиши и спокойствии здесь достичь ничего нельзя. Главное — обрести свой почерк, найти свой стиль, который бы не сводился к набору приемов. Петр Наумович Фоменко, например, не читал нам лекции по теории режиссуры. Он просто работал вместе со студентами, радовался и удивлялся тому, что рядом с ним не похуже на него люди.

С. Женовач

Просто набирать курс и абстрактно чему-то учить невозможно. Каждый курс — это особая программа, это особое настроение.

— В продолжение ваших слов как раз о «программе». На вашем курсе с самого первого семестра эта программа была: семестр Островского, семестр Достоевского.

— Этот метод возник из опыта предыдущих наборов. Так делал Михаил Михайлович Буткевич. Семестр «Короля Лира» или прозы Платонова. Ребята погружаются в материал, видят работу других не на экзамене, а в процессе подготовки. Тематические семестры помогают учиться не только у мастеров, но и у своих однокурсников. А обучение друг у друга, — может быть, самое главное и есть. Здесь и ревность, и белая зависть, и желание изменить что-то у себя. Если вы сможете правильно почувствовать и понять природу игры, напри-

мер шекспировского театра, вы поймете и структуру пьес, и обаяние этого театра, и его парадоксы, с этим опытом можно подойти к любому другому драматургу. Очень важно заниматься современной драматургией, какой бы она ни была. Должны быть, на мой взгляд, семестры прозы, где нужно заниматься сценической композицией: учить режиссеров идти за дыханием прозы, не втискивая ее в привычные рамки пьесы. Я мечтаю сделать семестры абсурдистских пьес, пьес в стихах. Это не значит, что схема должна повторяться на каждом курсе, хотя пройти, например, через сказки, через фантазии, чтобы ощутить сценичность действия, характер поступка, мне кажется, необходимо. Один семестр мы всегда оставляем «свободным»: ребята делают то, что им хочется.

— А эта программа как-нибудь отражается на дипломных спектак-

лях? Вы показываете итоги семестров?

— Нам хочется, чтобы из каждого семестра вырастал спектакль. Из семестра Шекспира — «Как вам это понравится» режиссера Александра Коручекова, сейчас у Олега Юмова идут репетиции «Венеры и Адониса». После семестра по Островскому появилась «Поздняя любовь» Уланбека Баялиева. К сожалению, из сказок не выросло ни одного спектакля. Семестр Достоевского нам дал «Мальчиков», а Даниил Безносос сейчас репетирует «Преступление и наказание».

В выборе пьес запретов нет, самое страшное в этом случае, когда чего-то нельзя. Анастасия Имамова обратилась к творчеству Нины Садур, к пьесе «Ехай». Режиссерское образование — это самообразование. Если ребята перестанут саморазвиваться, они остановятся в профессии.

— Собственный курс — это, наверное, совсем другое, нежели просто вести в вузе какой-то предмет?

— Я очень благодарен Петру Наумовичу Фоменко, что он дал мне возможность набрать курс. Он позволил мне не просто быть в хоре педагогов, а завести свой хор. Я хочу сказать «спасибо» всем мастерам: Евгению Борисовичу Каменковичу, который не менее заслуживает свою мастерскую, он сейчас с ребятами репетирует спектакль по роману Шолом-Алейхема «Мариенбад». И Ольге Васильевне Фирсовой, которая принимала участие в работе над «Мальчиками» — спектаклем по девяти главам романа Достоевского «Братья Карамазовы». Я также рад, что к нашей команде присоединились Герман Петрович Сидakov, который выпустил наш первый спектакль «Об-ло-мов-щина...». А есть еще замечательный артист, мой бывший однокурсник Сергей Григорьевич Качанов, есть Сусанна Павловна Серова, педагог по речи, у которой я учился и без которой сейчас наш курс представить невозможно. И конечно же, Григорий Яковлевич Гоберник. Я считаю, что присутствие композитора на режиссерском курсе просто необходимо. Ведь

законы сценической композиции — как и законы композиции музыкальной.

В принципе на курсе ты делаешь все то же самое, что делал в театре, но повышается ответственность. Ты должен своих учеников подстраховывать. Отношения на курсе можно называть по-разному: дружеские, семейные. Театр ведь — это не только занятие трудное, необъяснимое, он требует и доверения друг другу сокровенных мыслей, потому что без откровения заниматься театром нельзя. Нужно, чтобы был круг людей, которых бы ты не стеснялся, перед которыми бы не боялся быть смешным.

Невозможно ведь ребенка лишить детства, запретить ему играть в кубики, капризничать, трудно загнать его вовремя в постель. То же самое и здесь. Нельзя отнять у человека страсть к театру, убеждая, что театр — это такая сложная штука, что он все равно тебя предаст и обманет рано или поздно. Тогда люди начинают бояться профессии и говорят: «Зачем заниматься самообманом?» А наша профессия — это и есть самообман, это и есть, как говорит вслед за Толстым Петр Наумович, «энергия заблуждения». И более того, как Алеша Карамазов у Достоевского, я убежден: хорошее воспоминание защитит от любых ударов в жизни. Очень хорошее студенческое воспоминание, первый успех и даже неудача — все это тебе поможет, если рядом были близкие люди, которые поддерживали в тебе веру в себя.

— А чему вы стараетесь не учить своих ребят?

— Самое главное, чтобы раньше времени не появились скепсис и цинизм. Занятие театром — это всегда сочетание практицизма и идеализма. Нельзя уходить в крайности. Театр — это собрание, это коллекция людей. Профессия режиссера — это умение держать целое, сохраняя личность каждого.

Беседу вела
Анастасия АРЕФЬЕВА
Фото Михаила ГУТЕРМАНА